

ВЕСТНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫЙ

№ 8

1957

*СЕРИЯ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ*

Выпуск 2

Редакционная коллегия серии:

Г. В. Ефимов (отв. редактор серии),
М. П. Алексеев (зам. отв. редактора), А. Ф. Бережной,
А. Н. Болдырев, Б. М. Кочаков, Б. А. Ларин,
В. В. Мавродин, Н. И. Павлицкая (секретарь),
А. А. Холодович, П. Р. Швердалкин

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

В. М. Бескровный

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИВЫХ ИНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ
В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Показателем пробуждения в русской науке интереса к современным индийским языкам (еще задолго до того, как ими стали интересоваться в связи с открытием санскрита и развитием сравнительного языкознания) могут служить две статьи акад. Т. З. Байера «Elementa Litteraturae Brachmanicae, Tangutanae, Mungalicae» и «Elementa Brahmanica, Tangutana, Mungalica».¹ Первая статья, опубликованная в 1732 г., свидетельствует о том, что сведения о живых индийских языках проникали в то время из западноевропейской литературы. Т. З. Байер упоминает в ней грамматики дравидийских языков, написанные европейцами-миссионерами. Во второй статье наряду с довольно подробным описанием употребляемого многими индийскими языками алфавита деванагари содержатся ссылки на ряд грамматик живых индийских языков, написанных европейскими миссионерами и бегло упоминаются дравидийские языки — тамильский, телугу, каннарский и их алфавиты. Из индо-арийских языков академик Т. З. Байер кратко упоминает о хиндустани, гуджарати, маратхи, об особенностях словарного состава «языка мавров» — хиндустани, о близости его к гуджарати, об алфавитах, которыми пользуются эти языки. Т. З. Байер был первым в России востоковедом, начавшим заниматься живыми индийскими языками. Кроме книжных сведений, он мог приобрести некоторую информацию и из первых рук, — от проживавшего в Петербурге индуса, с которым он занимался санскритом.² Кроме Т. З. Байера, в 30-х годах XVIII в. востоковед Д. Г. Мессершмидт занимался пенджабским и тамильским языками и изучением алфавитов как дравидийских языков, так и алфавита деванагари.³

Составление в Петербурге сравнительного словаря всех языков мира во второй половине XVIII в. содействовало дальнейшему накопле-

¹ Первая статья опубликована в *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, Tomus III, 1732; вторая в тех же «*Commentarii*», Tomus IV, 1735. С. К. Булич в своем «Очерке истории языкознания в России», СПб., 1904, стр. 219, ошибочно указал, что в первой статье даны «впервые у нас образчики санскритской азбуки». Образчики даются во второй статье, в первой же даны образцы тибетской азбуки раньджа и др.

² В своей книге *Historia Regni Graecorum Bactriani* Т. З. Байер (на стр. 113—117) приводит числительные, часть которых он узнал от мултанца. Дж. Грирсон отмечает это как первую попытку в Европе сбора слов на языке лахнда (см. *Linguistic Survey of India*. Vol. VII, Part I, p. 244). Грирсон также отмечал, что Т. З. Байер первым из европейцев собрал образцы бенгальского алфавита, хотя ошибочно связывал его с алфавитом тибетским.

³ Рукописи Аз. музея, отд. III N 68 *Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiriae pertinentes*. Хранится в Архиве АН СССР. См. также С. Булич. *Очерк истории...*

нию сведений и фактов, касающихся современных языков Индии. Материалы — отдельные слова — были собраны преимущественно по переписке с иностранцами, но частично в самой России. Редактор словаря академик П. С. Паллас, будучи в Астрахани, собрал у находившихся там купцов из Мультана и других городов северной Индии лексику языков хиндустани и пенджаби.¹ Кроме записи слов, академик П. С. Паллас составил несколько фраз на «мультани» для предполагавшегося издания на разных языках отрывков из библии. «Сравнительный словарь всех языков и наречий»² включает лексику следующих живых индийских языков: хиндустани и пенджаби («по индейски в Мултани», «по индостански в Декане»), бенгали («по индостански в Бенгале»), тамили («по тамульски»), малайялам («по малабарски»), каннарского, цыганского и некоторых др. Слова, обозначенные в словаре пометой «по индостански в Бенгале», могут быть и собственно хиндустани и бенгальскими. Так что в какой-то мере были зарегистрированы и бенгальские слова. Помета «по индейски в Мултани» также может охватывать слова и хиндустани и лахнда и пенджаби. Слова хиндустани или общие для индо-арийских языков Индии часто даются с пометой дравидийских языков. Например, с пометой «по малабарски», т. е. на малайялам (или тамили) приводятся *агъ* — огонь, *ангур* — виноград. Индо-арийское (новоиндийское) слово *агъ*, т. е. *аг*, как и персидское *ангур* правильно было бы поместить с пометами североиндийских языков. К этому еще следует заметить, что большое число слов, помеченных в словаре, как «самшкрутанские» вовсе не являются санскритскими словами. Свидетельствуя о невысоком уровне филологических знаний того времени, эта помета могла относиться к словам из любого новоиндийского языка. Например, «самшкрутанским» считается в словаре слово хинди *баган* (т. е. *bahan*) — сетра и др.

Некоторая информация об индийских языках содержалась в записках русских путешественников и немногочисленных переводах с немецкого или французского, издававшихся во второй половине XVIII в. и свидетельствовавших о возраставшем интересе в России к странам Востока. Эта информация мало что прибавляла к тому, что было сделано в связи со сравнительным словарем.

К концу XVIII в. накопление сведений в виде общей информации об индийских языках в России начинает переходить в конкретное изучение как живых языков, так и санскрита. Собственно изучение отдельных индийских языков, оставившее в литературе след, начинается у нас с деятельности на этом поприще Герасима Лебедева (1749—1818). Русский музыкант, «буреборственный путешественник», как он называл себя сам, Герасим Степанович Лебедев 15 августа 1785 г. прибыл в Мадрас, где прожил ровно 2 года. В Мадрасе, по собственному его свидетельству, он «несколько научился Малабарскому народному языку».³ Так как языками, распространенными в Мадрасе, являются тамили

¹ Pallas, P. S. *Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völker beschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. Dritter Band. St. Petersburg und Leipzig, 1782, стр. 96.* Паллас обратил внимание на сходство этих слов с цыганскими.

² Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы, ч. I, СПб., 1787; ч. II, 1789. Позже переработано Янкевичем де Мириево: Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790—1791.

³ Fr. Adelung (*Catherinens der Grossen Verdinst. . . St. P. 1815, pp. 205—206*) считал, что Лебедев в Мадрасе занимался тамильским и малабарским языками. Булч под малабарским предполагал малайялам (стр. 495 Очерков).

и телугу, а под малабарским в прошлом часто имелся в виду тамили, то можно считать, что именно с тамили — дравидийского языка — началось знакомство Г. Лебедева с современными индийскими языками. Талантливый, любознательный путешественник, стремясь к изучению произведшей на него огромное впечатление индийской культуры, к «распознаванию Брамгенских наук», к изучению ученого языка санскрита, в августе 1787 г. переехал в Калькутту. Во время своего десятилетнего пребывания в Калькутте Г. Лебедев изучал у учителей-бенгальцев санскрит, хиндустани и бенгальский язык. За год до отъезда на родину (через Англию), в 1796 г., он построил в Калькутте театр и поставил в нем две драмы, переведенные им с английского на бенгальский язык.

Деятельность Г. Лебедева в Индии носила гуманистический и патристический характер. Русский человек не был в Индии представителем лицемерной буржуазной цивилизации, которая в колониях, по выражению К. Маркса, «ходит неприкрытой». Как некогда А. Никитин, Г. Лебедев, пребывая в далеких краях, руководствовался чувством и мыслью быть полезным своей родине. Он писал: «и в начале, и в продолжении моего путешествия, главнейшей целию моих трудов поставлял усовершенствование природных моих склонностей, славу и пользу моего отечества».¹

Патриотизм русского востоковеда-самородка был неразрывно связан с его гуманистическими идеями всеобщего блага. В посвящении к «Безпристрастному созерцанию систем Восточной Индии...» Г. Лебедев писал, что при издании этой книги он имел целью распространить «общепользные сведения», на которые обратили бы внимание не только «соотчичи», но и «разностранцы»; он хотел служить делу науки и содействовать укреплению «взаимной связи желаемого между народами дружелюбия», содействовать «восстановлению всеобщего и всемирного блага».

Отношение Г. Лебедева к индийскому народу и его культуре, к языкам было полно глубокого интереса и симпатий, которые русские путешественники всегда проявляли к другим народам. В «Предуведомлении» к своему «Безпристрастному созерцанию систем Восточной Индии...» он писал, что брахманы (т. е. индийцы) на европейцев «не иначе смотря как на бесчеловечных гонителей».² Симпатии Г. Лебедева к индийскому народу и стремление помешать преумалению его культурных и научных достижений выразились в осуждении узкого конквистадорского практицизма в области изучения индийских языков и пренебрежения к достижениям индийского классического языкознания. Во введении к своей грамматике хиндустани Г. Лебедев писал, что составители грамматик хиндустани, его предшественники (ему были знакомы грамматики Дж. Хэдли и Фергюссона) старались подвергнуть незаслуженному сомнению грамматическую науку индийцев, чтобы дать «совершенно недостаточное представление о народе, чья мудрость с древнейших времен была украшением мировой науки и искусства».³ Оценивая так высоко индийскую культуру, Г. Лебедев, естественно, жадно стремился изучить сразу и ряд языков, и мифологию, и обычаи

¹ Безпристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов священных обрядов их и народных обычаев... напечатано в Санктпетербурге. В типографии Герасима Лебедева. 1805, стр. VII.

² Там же.

³ Herasim Lebedeff. A grammar of the Pure and mixed East Indian Dialects with dialogues affixed, spoken in all the Eastern Countries... L., 1801, стр. IV.

индийцев. Наряду с древним санскритом он изучал бенгали и хиндустани, в котором видел общенародный язык, употребляемый не только во всей Индии, но и между рассеянными повсюду цыганами.¹ Такое комплексное изучение языков, оказавшееся для Г. Лебедева непосильным ввиду его неподготовленности, предвосхищало научное изучение индийских языков в России.

Грамматика хиндустани Г. Лебедева, изданная им в 1801 г. в Лондоне, была одной из первых 8—10 грамматик этого языка, написанными европейцами в XVIII в. Она была написана на английском языке и носила длинное, в духе того времени, название, которое само по себе (как и предисловие) могло ввести в заблуждение человека, не читавшего книгу.² На самом деле, в грамматике Г. Лебедева, так же как и в грамматике одного из его предшественников — Дж. Хэдли, описывается язык хиндустани в той его форме, в какой Хэдли и Лебедев могли познакомиться с ним в Бенгалии. В грамматике Лебедева трактуется один язык, если не считать тех моментов, когда автор приписывает хиндустани некоторые грамматические формы бенгальского языка. В книге Г. Лебедева нет санскритской грамматики, если не считать некоторых санскритских грамматических категорий, приписываемых по ошибке хиндустани (например, три рода). В книге Г. Лебедева много непоследовательностей и ошибочных представлений. Но наряду с этим, Г. Лебедев улавливал проблески истины, хотя и не мог как следует ее выразить. Например, он считал, что хиндустани (*Mixed Indian dialects*) происходит от бенгальского и санскрита (правильно уловлена родственность этих языков), что хиндустани неправильно называют «мавританским» языком (*Moogs*), что морфологические изменения в хиндустани вызваны скорее изменившимся произношением санскритских букв (неправильно выражено, но налицо элемент сравнительно-исторического сопоставления), чем порчей, причиненной вторженцами или иностранцами.³

Большой материал по бенгальской лексике, в некоторых случаях сопоставляемой с лексикой хиндустани, содержится в «Безпристрастном созерцании». Среди этого материала также имеются ошибки в этимологии и переводах. Недостатки в работах Г. Лебедева объяснялись не только его неподготовленностью, но и общим уровнем знаний к концу XVIII в. живых индийских языков и их истории.

Работы Г. Лебедева сохраняют свое значение для истории науки, для индийской филологии, как свидетельство присущих русским людям симпатий к индийским народам и стремлений беспристрастно изучать их многообразную культуру. Работы Г. Лебедева представляют интерес и потому, что содержащийся в них материал собран в самой Индии и в известной мере отражает некоторые стороны ее жизни во второй половине XVIII в. Г. Лебедев искренне стремился расширить знания России об Индии. Поэтому-то его имя и остается в истории русского востоковедения.

С блестящим развитием русского востоковедения в XIX в. стала развиваться и русская индология. Открытие санскрита и значение его для сравнительного языкознания привлекали внимание востоковедов к этому древнему языку. Но первые же русские санскритологи стали с глубоким интересом заниматься живыми языками Индии. Границы России

¹ Безпристрастное созерцание..., стр. VII.

² Herasim Lebedeff. A grammar of the Pure and mixed East Indian Dialect with dialogues affixed, spoken in all Eastern Countries... L., 1801, стр. IV.

³ H. Lebedeff. A grammar..., стр. XXI.

в первой половине XIX в. еще были удалены от границ Индии, дипломатических отношений у России с Индией не было. Эти внешние обстоятельства в известной мере объясняют то, что новоиндийские языки в России с самого начала стали изучаться в научном плане. Включение живых индийских языков в орбиту изучения русскими индологами в XIX в. логически и неизбежно следовало из изучения древнеиндийского и среднеиндийских языков. В связи с этим характерно, что изучение новоиндийских языков в XIX в. в России предпринималось по инициативе самих ученых. Официальные установки как в Академии наук, так и университетах были только на санскрит и его литературу. Русские индологи XIX в. так или иначе обращались к живым языкам Индии, придавали им большое научное значение и пропагандировали достоверные о них сведения.

Первый в России профессор санскрита и сравнительной филологии, адъюнкт Академии наук Р. Х. Ленц стал изучать новоиндийские языки и их литературу во время своей научной командировки в Англию для изучения санскрита и санскритской литературы. Сначала Р. Ленц ставил перед собой целью занятия над историческими санскритскими рукописями, над пракритской грамматикой, Ведами, лингвистико-этнографическими и другими вопросами. Но уже в первом своем отчете из Лондона от 9 января 1834 г. он писал, что полагает «впоследствии времени заняться некоторыми на наречиях *Hindī* и *Brij bhāṣā*, написанными историческими эпопеями», так как в Лондоне он выяснил, что исторические рукописи на санскрите не существует.¹ Ознакомление с индийскими фондами, хранящимися в Лондоне, и ход филологических занятий Р. Ленца привели к изменению его планов. В следующем донесении из Лондона от 14 марта 1834 г.² он писал: «В моем первоначальном плане, изучение новейших индийских языков и литературы их, доселе еще малоисследованной, имело для меня особенную важность только по причине исторических результатов, на которые надеялся; и я покамест отлагал это занятие, а, может быть, принес бы его и вовсе в жертву исключительному упражнению в санскритском языке, еслиб остался при прежних моих мнениях и намерениях. Что касается до санскритского языка и до изысканий, какие надлежит сделать по сей части, то убеждение мое в важности оногo не переменялось. Однако, соображая внешние обстоятельства, в которых теперь произвожу свои занятия, и те обстоятельства, в каких буду находиться по моем возвращении; также рассматривая здешние манускрипты на наречии *Hindī*, я должен был снова обратить мои размышления к этой отрасли Индийской Лингвистики, и совершенно убедился, что если только считаю новейшие наречия заслуживающими изучения, то нынешнее мое пребывание здесь есть единственный случай произвести что-либо в этом отношении».

Внимание Р. Ленца начинает все более привлекать наименее разрабатываемая область языка хинди и его литературы. В этом же письме он пишет о том, что он начинает посвящать «остающиеся свободными часы изучению наречий: *Hindī* и *Braj-Bhākṣā*, которые суть, так сказать, языки Средних Веков Индии, и отличны от наречия Хиндустани. Впрочем, они и доселе еще живут в устах туземцев некоторых областей Северной Индии, вместе с господствующим теперь наречием Хиндустани». Р. Ленц пишет о диалекте кхари боли, о хинди и его литературе, о своем увлечении героической средневековой поэмой Чанда Бардан

¹ ЖМНП, 1834, ч. I, стр. 255—262.

² ЖМНП, 1834, ч. II, стр. 277—283.

«Притхви Радж Расо». В связи с этим он просит министра народного просвещения о временном освобождении его «от всяких обязанностей в отношении к санскритскому языку, поелику та работа чрезвычайно трудна» (обработка частей поэмы „Притхви Радж Расо“, — В. Б.).

Р. Ленц самостоятельно в библиотеках изучал язык хинди и его диалекты. Кроме этой героической поэмы, Р. Ленца интересовали и другие средневековые исторические сочинения на диалектах хинди. «Эти творения, — писал он там же, — без особенного изучения языка, на котором они написаны, совершенно непонятны даже для знатоков санскритского языка и, сколько мне известно, доселе еще никто в Европе не понимает их; я же, после моих последних лингвистических занятий, могу уже без большого труда пользоваться оными».

В этом же отчете Р. Ленц мимоходом пишет о влиянии новоиндийского языка на санскрит, о чем позже говорили некоторые европейские и индийские ученые. «Во всяком случае мне останется выгода от изучения языка, который хотя справедливо почитается отраслью Санскритского, однако ж, собственно говоря, скорее прошел через оный (если можно так выразиться), нежели из оного произошел: ибо он имеет много собственных и независимых особенностей даже в том, что ему принадлежит общее со Санскритским языком, многие составные части счеvidно перешли из древнего наречия Hindi в Санскритский язык, а не наоборот».

В течение всего времени пребывания Р. Ленца в Англии он занимался современными индийскими языками. В донесении от 26 сентября 1834 г. он писал, что наряду с работой над «Лалита Вистара» и санскритским языком, он у себя дома занимается «новейшими наречиями Индийскими».¹ Ученый не считал свои занятия по новоиндийской филологии эпизодом, он старался запастись знаниями и материалами, чтобы по завершении своей санскритологической подготовки и по возвращении в Россию продолжать заниматься увлекшей его областью индологии.

В своем последнем лондонском донесении от 28 июня 1835 г. он писал: «Первое частное литературное занятие мое по возвращении в Отечество, будет, при свободном времени, обрабатывание тех частей Исторической Индийской Поэмы Притхви Раджа-Чаритра, к которым в Оксфорде собрал я нужные материалы, дополненные мною в Лондоне. Мне кажется, что это один из важнейших результатов здешних моих изысканий и вообще изучения Индийских языков».²

Санскритолог Р. Ленц придавал большое значение изучению новоиндийских языков, и только ранняя смерть (умер 28 лет в 1836 г.) помешала ему добиться в этой области определенных результатов. Кроме кратких характеристик хиндустани как важнейшего современного языка Индии и других диалектов хинди и литературы на них, содержащихся в опубликованных вышеупомянутых отчетах, Р. Ленц оставил после себя лишь небольшое рукописное наследие. Несколько толстых тетрадей, хранящихся в Отделе рукописей Института востоковедения Академии наук СССР, свидетельствуют о занятиях Р. Ленца средневековым хинди, хиндустани, дакхни и браджем.³ Одна тетрадь посвящена библиографии, среди которой большое место ученый отвел книгам и рукописям, относящимся к новоиндийским языкам.

Характерные черты индийской филологии в России, получили свое дальнейшее развитие у крупнейшего санскритолога своего времени и

¹ ЖМНП, 1834, ч. IV, стр. 287—291.

² ЖМНП, 1835, сентябрь, стр. 538.

³ Indica 154, 155, 156, 157/158.

полиглота проф. П. Я. Петрова (1814—1875). Так же как и Р. Ленц, П. Я. Петров в ходе своих санскритологических занятий пришел к изучению новоиндийских языков. Отправленный в научную командировку в Берлин, Париж и Лондон для усовершенствования в санскрите 25-летний П. Я. Петров, будучи в Берлине, в Королевской библиотеке, начал заниматься бенгальским языком. В связи с этим в письме из Парижа от 14(26) апреля 1839 г. он писал министру народного просвещения: «...чрезвычайно близкое сродство с Санскритом, составляющим главное его (бенгальского языка, — В. Б.) основание (очевидно имелась в виду общность корней и большей части лексики — В. Б.), делает его очень важным для индианиста, и я уверен, что изучение наречий, близких к Санскритскому, может вообще оказать большую пользу Брахманской (т. е. индийской, — В. Б.) филологии. Литературы их представляют много замечательного даже в историческом отношении... Я прибавлю еще, что словари этих наречий часто доставляют большую помощь при чтении трудных и, особенно, новейших произведений Санскритской Словесности, и что в них можно найти множество слов, которых нет в словаре Уильсона».¹

В своей известной «Программе для преподавания санскритского языка и литературы» П. Я. Петров обязывал преподавателя сообщить студентам в вводной лекции и о новейших языках, «а именно: о Бенгальском, Брэджд-Бъакъа и Къариболи, как ближайших к коренному; потом об Индустанском, Маратском, Кашмирском и других».²

Перу П. Я. Петрова принадлежат первые в России научные очерки главнейших современных индо-арийских языков: хиндустани (хинди и урду), бенгали и маратхи.³ Эти очерки, печатавшиеся в «Московских Университетских Известиях» с 1867 по 1870 г., содержат описание фонетики, грамматической системы и лексического состава названных языков. Кроме этого, в «Очерках» приводится богатая информация как о средневековой, так и о текущей литературе на этих языках. При описании живых языков П. Я. Петров пользовался сопоставлением их с санскритом и друг с другом. При этом он подчеркивал важность знания санскрита для изучения живых языков и знания живых языков для изучения санскрита. Он писал, что языки хиндустани, бенгали, маратхи «без помощи санскритского... и знать невозможно, особенно, если учащийся не хочет ограничиться одним только разговорным языком».⁴ И наоборот: «Об важности изучения индусских наречий для санскритского мы не говорим, потому что она сама собою очевидна; они взаимно объясняют друг друга».⁵

П. Я. Петров первый определил письмо и язык индийцев, проживавших в России близ Баку. Как акад. П. С. Паллас в конце XVIII в. сопоставил лексику астраханских индийцев с цыганской, так проф. П. Я. Петров в середине XIX в. сравнил с санскритом и объяснил лексические элементы языка индийцев из храма Атешгах в Сураханах, собранные в 1842 г. проф. И. Н. Березиным. И. Н. Березин опубликовал эти объяс-

¹ Письмо кандидата Петрова к г. Министру Народного Просвещения из Парижа, от 14(26) апреля 1839 года. ЖМНП, 1839, ч. 23, IV, стр. 38—44.

² Петров Павел. Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Казанском университете. Казань, 1842, стр. 4—5.

³ О главных наречиях северной Индии. Статья I (языки бенгальский и хиндийский). Московские Университетские известия, 1867, № 12, стр. 1201—1218; статья II — там же, 1868, № 6, стр. 481—500; статья III — там же, 1869, № 5, стр. 332—344; статья IV — там же, 1870, № 5, стр. 303—319.

⁴ МУИ, 1869, № 5, стр. 332.

⁵ Там же, стр. 344.

нения П. Я. Петрова в своей книге «Путешествие по Дагестану и Закавказью».¹

Вообще, если говорить о научной информации и пропаганде сведений о живых языках Индии, то в XIX в. она уже исходила преимущественно от востоковедов. Так, например, проф. Казембек в статье «Начало просвещения в нынешней Индии»,² опубликованной в 1857 г., приводил обширные данные о хиндустани (хинди и урду) и о литературе урду, основываясь на последних трудах известного французского индианиста Гарсэн де Тасси.

Тот факт, что в XIX в. научным изучением новоиндийских языков занимались лишь санскритологи, свидетельствует не только о недифференцированности, характерной для востоковедов прошлого, но и о том, что в официально утвержденном порядке изучение новых языков не предусматривалось. В штатных расписаниях Академии наук и университетов не было места для живых языков Индии. Все, кто занимались этой новой дисциплиной или отстаивали ее, делали это по собственной инициативе, в интересах русской востоковедной науки. Не мало времени и энергии (к сожалению, безрезультатно) было затрачено индологами и некоторыми востоковедами во второй половине XIX в. на то, чтобы ввести новоиндийские языки в университетское преподавание. Еще в 1856 г., после открытия факультета восточных языков при Петербургском университете, в русской периодике отмечалось, что «только малайский и индустанский, преподаваемые в парижском Collège de France, не имеют еще у нас представителей».³

В 1875 г. декан факультета академик В. П. Васильев поставил на факультете вопрос о преподавании хиндустани.⁴ В ноябре 1876 г. профессора факультета В. В. Григорьев и К. А. Коссович (санскритолог) представили в комиссию по пересмотру устава Российских университетов записку, в которой предусматривали введение в программу курсов по новоиндийским языкам. «Новоиндийские наречия, — писали они, — внесены, как важное дополнение к санскритскому языку... Кроме же того, индустанский язык имеет такое же значение для Индии, какое французский для всей Европы».⁵ В соответствии с этим в прилагаемом к записке проекте списка дисциплин имелись следующие пункты: «д) Санскритская словесность (санскритский язык и его литература; палийский язык). е) Новоиндийские языки (хиндустани, гинди и характеристика прочих новоиндийских наречий: бенгальского, пенджабского, гужератского и т. д.)».⁶

В 1882 г. на факультете был снова поднят вопрос о хиндустани — в журнале заседания Совета факультета от 1 февраля 1882 г. упоминалось об «индустанском языке», преподавание которого было бы таким же полезным, как и преподавание японского языка.⁷ Призывы к изучению современных индийских языков все больше отражали потребности русской индологии всесторонне изучать индийские языки и потребности

¹ См. изд. 2, Казань, 1850, ч. 3, стр. 54—55.

² Казембек. Начало просвещения в нынешней Индии. ЖМНП, 1857, ч. 94, стр. 244—264.

³ П. Савельев. Восточные литературы и русские ориенталисты. — Русский Вестник. 1856, т. 2. Современная летопись, стр. 115.

⁴ Журнал собрания факультета вост. языков 30 апр. 1875 г., — ссылки см.: В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета 1856—1905. Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV, стр. 187.

⁵ В. В. Бартольд. Материалы для истории факультета восточных языков, т. II, стр. 296.

⁶ То же, стр. 298.

⁷ То же, стр. 91.

русского востоковедения всесторонне изучать страну, с которой возможны широкие экономические и культурные сношения. Проф. И. П. Минаев в 1884 г. говорил, что «как не плодотворно было для современной Европы знакомство с древне-индийской литературой и с санскритом, всестороннее знание Индии далеко не исчерпывается одним таковым только изучением». ¹ И. П. Минаев был глубоко убежден, «что в России всестороннее изучение древней и новой Индии есть одна из настоятельных потребностей». ² В речи об изучении Индии в русских университетах на акте Петербургского университета в 1884 г. И. П. Минаев говорил: «... как в старину, так еще более теперь Восток для русского ученого не может быть мертвым, исключительно книжным объектом научной пытливости. Он может, конечно, сообразно со своими личными наклонностями и научным предрасположением, преимущественно интересоваться древне-индийским языком, или изучать те памятники древней литературы, в которых выразились первые проблески религиозного сознания арийцев. . . Все это, бесспорно, имеет высокую научную цену; но изучение Индии старой не должно заслонять научную и практическую важность жизненных явлений в современной Индии». ³ И. П. Минаев подчеркивал, что изучение жизненных явлений современной Индии, в том числе живых языков и литератур, имеет важное значение для развития науки. «Филологи, изучая восточные страны таким образом всесторонне, не отказываются в сущности от своих высоко научных филологических задач. Они понимают их при этом шире, а потому и плодотворнее должны быть сами розыскания». ⁴

Сама деятельность ученого путешественника И. П. Минаева очень многообразна. Здесь уместно отметить только некоторые из его работ, так или иначе относящихся к новоиндийской филологии. И. П. Минаев был хорошо знаком с главнейшими индо-арийскими языками и легко мог усваивать местные наречия. Во время путешествия по Индии в 1875 г. он провел 3 месяца в Камаоне, где собрал образцы современной устной литературы, рассказанные ему на камаонском языке пахари. По возвращении на родину И. П. Минаев издал перевод этих сказок и легенд и снабдил их филологическими комментариями, значительная часть которых характеризует лексику разговорного языка. ⁵ Ценнейший квалифицированный источник информации XIX в. о современной Индии представляют «Очерки Цейлона и Индии», содержащие как общую характеристику различных групп индийских языков, так и меткие замечания об отдельных языках, их современных литературах и об индийской прессе. ⁶

Замечательными в филологическом отношении являются «Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина». ⁷ Только широкий специалист-индолог, знающий новоиндийские языки, мог комментировать записки Афанасия Никитина. В этой работе И. П. Минаев дает впервые правильное пояснение многих индийских слов, употребляемых А. Ники-

¹ Очерки Цейлона и Индии, СПб., 1878 предисловие, стр. III.

² То же, стр. II.

³ И. П. Минаев об изучении Индии в русских университетах (речь, читанная на акте С.-Петербургского университета 8 февраля 1884 г.) — Годичный акт С.-Петербургского университета 8 II 1884 г. СПб., 1885, стр. 89—90.

⁴ То же, стр. 102.

⁵ И. П. Минаев. Индейские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г. СПб., 1876

⁶ И. П. Минаев. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского, чч. I и II, СПб., 1878.

⁷ И. Минаев. Старая Индия. Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб., 1881.

тинным. Большая библиография, приложенная И. П. Минаевым к своим «Заметкам», содержит, в частности, кроме санскритских, и ряд словарей новоиндийских языков, на которые комментатор опирался в работе над «Хождением за три моря». Эта работа убедительно показывает, насколько важно знание современных индийских языков при толковании средневековых источников. И. П. Минаев не ограничился только раскрытием терминов, употребленных А. Никитиным; описывая средневековую Индию, он от себя ввел много названий и терминов, вовсе не упоминающихся в «хождении» (например, названия деревенских ремесленников), из которых образуется небольшой терминологический новоиндийский словарь, расширяющий читательские сведения об Индии.

Занятия И. П. Минаева новоиндийскими языками и фольклором высоко ценились учеником его С. Ф. Ольденбургом. Публикуя одну из индийских народных песен, собранных в Индии И. П. Минаевым, С. Ф. Ольденбург писал: «у нас в России так мало еще напечатано из этой области, что маленькая индийская песня, переведенная Иваном Павловичем, является, по нашему мнению, ценным вкладом в изучение Востока».¹

И. П. Минаев не обходит и такой новоиндийский язык, как **цыганский**. В своей рецензии на известную работу Фр. Миклошича он упрекает последнего в сопоставлении цыганского языка с санскритом. Касаясь описания Миклошичем цыганского глагола, И. П. Минаев пишет, что все это интересно, но, «к сожалению, автор недостаточно обращает внимания на те языки (новоиндийские, — В. Б.), с которыми всего ближе сравнивать цыганские наречия, а потому весьма часто его остроумные объяснения далеко не убедительны...»²

В истории русской индологии десятилетие 1885—1895 гг. отмечено борьбой за введение изучения современных индийских языков в Петербургском университете. В 1886 г. акад. В. П. Васильев выступил в печати за введение на Восточном факультете Петербургского университета преподавания новоиндийских языков, указывая на научную несправданность преподавания на факультете одного санскрита. «В странное положение поставлена у нас кафедра санскритского языка, — писал он. — Этот язык такой же мертвый, как и греческий с латинским; без придачи к этой кафедре преподавания индустанских наречий ему скорее место в филологическом факультете, но знание последних становится неотложной потребностью».³

В 80-х годах ходатайства об учреждении кафедры хиндустани (наряду с кафедрами японской и корейской) обосновывались не только научными соображениями, но и государственными интересами. Все более становилась ощутимой научная и практическая потребность изучения хиндустани. Наиболее обширная переписка велась по этому вопросу в 1888 г. В записке декана факультета акад. В. П. Васильева на имя ректора Петербургского университета М. И. Владиславлева говорилось, что современное положение науки требует введения преподавания хиндустани, что, несмотря на неотъемлемые ученые заслуги профессоров К. А. Коссовича и И. П. Минаева, на санскрите всегда было мало слу-

¹ И. Минаев. Индийская народная песня о новом налоге. (Из бумаг покойного И. П. Минаева). Записки Вост. отделения Русского Археологич. о-ва, т. VIII, 1893—1894, стр. 144—5.

² И. П. Минаев. Franz Miklosich. Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas, I—VI Wien, 1872—1876. — ЖМНП, 1887, ч. 189, стр. 192.

³ В. П. Васильев. О преподавании восточных языков в России. — Восточное обозрение, 1886, № 7, стр. 7—10; № 8, стр. 8—10.

шателей, так как он не имеет практического применения. «Между тем, если бы к преподаванию ученого санскрита присоединить практический индустанский, то можно надеяться, что со временем по мере развития наших сношений, к чему нужно готовиться и что ускорит его развитие, разряд санскритско-индустанский не уступал бы числом своих слушателей разрядам мусульманскому (арабско-персидско-турецкий) и китайскому».¹

Далее декан писал: «...потребности России в научном и практическом приложении требуют введение в факультете Восточных языков трех новых языков: японского, корейского и индустанского».² Акад. В. П. Васильев, при этом уже не в первый раз, подчеркивал, что для учреждения этих кафедр факультету в течение нескольких лет не потребуется ассигнования новых сумм. Записка заканчивалась характерным для этого дела выражением надежды на то, что с поддержкой ректора «движение этого старого вопроса» будет более успешным.³

Ректор университета в свою очередь направил письмо министру народного просвещения, в котором, подчеркивая государственную важность вопроса, поднятого в письме декана В. П. Васильева, считал необходимым учреждение на факультете трех новых кафедр.⁴ В письме попечителя петербургского учебного округа от 8 декабря 1888 г. министру народного просвещения также поддерживалось предложение ввести на факультете три новых языка. При этом отмечалось, что «по своему научному и политическому значению языки эти являются единственными из важнейших, не преподающихся в С.-Петербургском университете...»⁵ В этом письме содержалось описание истории хиндустанского языка, его распространение и еще раз приводилась научная мотивировка для его введения: «Таким образом, в области сравнительного языкознания индустанский язык имеет высокое значение как явление новое, при посредстве которого можно разяснить себе многое в понимании языков древнеазиатских».⁶ Описание языка сопровождалось описанием литературы урду и развития прессы урду в 1877 и 1878 г. Так дело о хиндустанском языке шло по инстанциям.

Через два года в отчете председателя комиссии восточных языков акад. В. П. Васильева от 25 апреля 1890 г. говорилось «об уже поднятом вопросе о введении на факультете Восточных языков штатного преподавания языков японского, корейского и индустанского, хотя бы и взамен еврейского или грузинского».⁷ Через три года на этот «старый вопрос» реагировал министр иностранных дел, присоединившись к мнению факультета восточных языков о пользе учреждения в Петербургском университете трех новых кафедр, в том числе кафедры хиндустанского языка. В своем письме к министру народного просвещения от 18 декабря 1891 г. он писал: «Что касается языка индустанского, то необходимость иметь знатоков оного становится очевидною, если мы примем во внимание, что в последнее время границы наших средне-азиатских владений значительно приблизились к индийским и что уже в настоящее время завязываются торговые сношения между нашим Туркестанским краем и Индостаном... Совершенное отсутствие у нас ныне таковых

¹ В. В. Бартольд. Материалы..., т. II, стр. 189.

² Там же.

³ Там же, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 184—186.

⁵ Там же, стр. 193.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 172.

лиц ставит вверенное мне министерство в затруднительное положение каждый раз, когда в оное поступают какие-либо бумаги, написанные на одном из индостанских наречий».¹

В переписке министра народного просвещения и министра финансов в 1895 г. хиндустани уже перестал фигурировать, речь шла только о кафедрах японского, корейского и тибетского языков. Хиндустани был заменен тибетским по решению особой комиссии с участием нового декана факультета В. Р. Розена. В отношении попечителя Петербургского учебного округа в департамент народного просвещения от 3 апреля 1896 года говорилось, что ходатайство факультета восточных языков в 1888 г. о введении преподавания японского, корейского и индостанского языков не было уважено и ни один из этих языков не введен в состав факультетского преподавания законодательным порядком.² Так в XIX в. закончились усилия представителей русской индологии и востоковедения поставить университетское изучение новоиндийских языков. Эти усилия, несмотря на признанные в министерствах научные и политические доводы, как показывает история, наталкивались на глухое противодействие, оказавшееся непреодолимым в дореволюционную эпоху.

Заканчивая обзор изучения новоиндийских языков в XIX в., следует отметить, что оно от Р. Ленца до И. П. Минаева являлось составной частью изучения индо-арийских языков и носило исторические и сравнительные черты. Труды П. Я. Петрова и И. П. Минаева в области изучения живых индийских языков подготовили почву для развития практического их изучения в последнем десятилетии прошлого века. Правда, изучение это ограничилось одним лишь важнейшим языком хиндустани (урду). Отдельные случаи практического изучения хиндустани имелись и в прошлом. Например, русский востоковед-путешественник П. И. Пашино (1836—1891) до поездки в Индию изучал хиндустани (вероятно, в 50-х годах).³

Первое практическое пособие по хиндустани (разговорник) появилось в 1891 г.⁴ На книжке лежала печать предпринимательства. Она громко называлась «Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии». Составитель ее журналист А. В. Старчевский издавал разговорники по самым разнообразным языкам и не был специалистом по хиндустани. Действительно, в грамматическом разделе книжки имеется много путаницы. В претенциозном предисловии составитель писал: «Лингвистические труды моих предшественников, предпринятые на Руси исключительно с ученой целью, тлеют в разных библиотеках, я первый решился распустить лингвистические сведения в русской публике и сделать их доступными для каждого». Ошибки, путаница и ложная транскрипция «Спутника-толмача» делали его далеко не надежным.

Немного позже дело издания пособий по хиндустани попадает в руки специалистов. Получивший подготовку по хиндустани в Парижской школе живых восточных языков И. Д. Ягелло перевел с сокращениями с английского языка практическую грамматику урду А. О. Грина.

¹ В. В. Бартольд. *Материалы ...*, т. II, стр. 200.

² Там же, стр. 258.

³ Русский биографический словарь, СПб., 1902; Е. И. Гневущев. Путешествие П. И. Пашино по Персии и Индии в книге «Очерки по истории русского востоковедения». АН СССР, М., 1953, стр. 96—121.

⁴ А. В. Старчевский. *Спутник-толмач по Индии, Тибету и Японии, заключающий в себе языки Индостанский (урду), Тибетский, 17 тибетских наречий и Японский язык (по каждому языку до 7000 слов, до 500 разговорных фраз и грамматический очерк)*. СПб., 1891.

Перевод был издан литографским способом в Одессе в 1897 г.¹ Так же как и все практические пособия по хиндустани, написанные как самими англичанами, так и индийцами по заказу англичан, учебник А. О. Грина предназначался для чиновничьей и военной колониальной службы. Соответствующим образом преподносилась разговорная часть таких учебников.

¹ 1897 и 1898 гг. вышли одна за другой две книги по хиндустани А. И. Выгорницкого, соответственно: «Грамматика языка Индустани или урду, составленная по английским источникам Плята и Форбеса» (литография, СПб.) и «Пособие для изучения языка индустани (урду)» (Ташкент). Достопримечательным было то, что «Грамматика» была написана в самой Индии — в Дели, Агре, Бенаресе и других городах. Причем составитель пользовался консультацией индийцев, что видно из его слов в предисловии: «Руководителями были индусы-филологи (мунши)». Вторая книга замечательна тем, что в ней впервые предпринималось изучение языка прессы. «Помещением в пособие статей из газет (индусских) я хотел ввести читателя в чтение индусских газет (слова и перевод), познакомив при этом его с формой индусских писем и прошений», — писал составитель в предисловии.

В 1899 г. вышло еще 3 пособия, составленных А. Ф. Гильфердингом: «Практическое руководство индустани (урду)»,² «Грамматика индустани (урду), индусский собеседник и русско-индустани-английский словарь в русской транскрипции»³ и «Пособие для изучения Индустани. Тотакхани (сказки попугая). С приложением полного индустани-русского словаря».⁴ В предисловии к первой книге составитель писал, что его целью было дать возможность желающим изучить урду и «приобрести познания, вполне достаточные для дальнейшего самостоятельного усовершенствования». Вторая книга содержала, в отличие от первой, более правильное описание истории образования хиндустани. Все пособия в совокупности были в состоянии дать достаточное для начинающих представление как о грамматическом строе, так и о словарном составе хиндустани. Об интенсивности попыток расширить у нас изучение хиндустани в конце XIX в. и самом начале XX в. свидетельствует выход в свет в 1900 г. практического руководства к изучению почерка шикесте, содержавшего акты, документы, письма и пр. на урду, собранные в Индии.⁵ Тексты, написанные скорописью, сопровождалась передачей их обычным письмом, русской транскрипцией и переводом. К хрестоматии был приложен урду-русский словарь. В 1902 г. вышли последние две книги, относящиеся к этому кругу учебных практических пособий: «Практическая грамматика языка индустани (урду)»⁶ и «Индустани —

¹ А. О. Грин. Практическая грамматика языка индустани (урду), ч. I. Переведена с английского языка артиллерии штабс-капитаном Ягелло. Одесса, 1897. Литография.

² Практическое руководство индустани (урду). Составил капитан Гильфердинг. Владимирская паровая типолитография, СПб., 1899.

³ А. Ф. Гильфердинг. Грамматика индустани (урду), Индусский собеседник и русско-индустани-английский словарь в русской транскрипции. СПб., 1899.

⁴ Пособие для индустани. Тотакхани (сказки попугая). С приложением полного индустани-русского словаря. Составил капитан Гильфердинг. Владимирская Типо-литография, СПб., 1899.

⁵ А. Ф. Гильфердинг. Пособие для изучения индустани. Практическое руководство к изучению почерка шикесте. 50 актов, документов, писем и проч., персидская и русская транскрипция их, перевод и полный индустани-русский словарь. СПб., 1900.

⁶ Ягелло. Практическая грамматика языка индустани (урду). Ташкент, 1902

